

УДК 332.1

ББК 65.04

Frolov Daniil Petrovich,
doctor of economics, professor, head of the department
of marketing of Volgograd State University,
Volgograd,
e-mail: ecodev@mail.ru

Stratulat Irina Valeryevna,
candidate of economics, doctoral candidate
of the department of marketing
of Volgograd State University,
Volgograd,
e-mail: marketech@volsu.ru

Solovyova Irina Anatolyevna,
post-graduate student of the department of marketing
of Volgograd State University,
Volgograd,
e-mail: marketech@volsu.ru

Babkin Maxim Mikhailovich,
post-graduate student of the department of marketing
of Volgograd State University,
Volgograd,
e-mail: marketech@volsu.ru

Shelestova Dildarachon Abdissamadovna,
candidate of economics, associate professor
of the department of corporate finance and banking
of Volgograd State University,
Volgograd,
e-mail: dilja80@mail.ru

Фролов Даниил Петрович,
д-р экон. наук, профессор,
зав. кафедрой маркетинга
Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград,
e-mail: ecodev@mail.ru

Стратулат Ирина Валерьевна,
канд. экон. наук, докторант кафедры маркетинга
Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград,
e-mail: marketech@volsu.ru

Соловьёва Ирина Анатольевна,
соискатель кафедры маркетинга
Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград,
e-mail: marketech@volsu.ru

Бабкин Максим Михайлович,
соискатель кафедры маркетинга
Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград,
e-mail: marketech@volsu.ru

Шелестова Дилдарахон Абдисамадовна,
канд. экон. наук, доцент кафедры
корпоративных финансов и банковской деятельности
Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград,
e-mail: dilja80@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЕКТОРНО-СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ¹

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF SECTOR-BALANCED DEVELOPMENT OF THE REGION IN THE CONDITIONS OF POSTINDUSTRIALIZATION²

В статье представлены теоретико-методологические основы формирования концепции секторно-сбалансированного развития региональной экономики. Выявлены основные вызовы современной системе регионального стратегического планирования и регулирования, определены системные проблемы функционально-отраслевого и кластерного подходов к разработке региональных стратегий. Обоснована необходимость внедрения территориально-ориентированного стратегического мышления. Аргументировано, что концепция секторно-сбалансированного развития региона предполагает согласование параметров стратегий и интересов субъектов аграрного, индустриального и сервисного секторов, а также (в перспективе) трансформационного и транзакционного секторов.

Theoretical and methodological bases of establishing the concept of sector-balanced development of regional economics

are presented in the article. The main challenges of the modern system of regional strategic planning and regulation are revealed; the system problems of functional and cluster approaches to development of regional strategy are defined. The need of introduction of the regional oriented strategic thinking is proven. It is stated that the concept of the sector-balanced development of the region assumes coordination of parameters of strategy and interests of the subjects of agrarian, industrial and service sectors, as well as (in the long-term prospect) transformational and transactional sectors.

Ключевые слова: экономика региона, постиндустриализация экономики, аграрный сектор, индустриальный сектор, сервисный сектор, транзакционный сектор, трансформационный сектор, территориально-ориентированный подход, секторно-сбалансированное развитие, стратегическое планирование.

¹Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 15-12-34012).

²The article has been written with the support of RGNF (project № 15-12-34012).

Keywords: regional economics, post-industrialization of economics, agrarian sector, industrial sector, service sector, transactional sector, transformational sector, regional oriented approach, sector-balanced development, strategic planning.

Постиндустриализация — наиболее значимая тенденция социально-экономического развития в современном мире. Ее смысл состоит в выдвигании сферы услуг на лидирующую позицию в обеспечении вклада в ВВП и занятости населения. При этом промышленность и сельское хозяйство сдвигаются на периферию [1], но продолжают оказывать существенное комплексное влияние на конкурентоспособность, устойчивость и безопасность экономики как стран, так и их обособленных территориальных образований.

Современные российские регионы в условиях экономического спада и кризисных процессов переживают сложные структурные сдвиги, связанные прежде всего со спадом промышленного производства, ростом безработицы, сокращением налоговых поступлений в местные и региональные бюджеты, ростом социальной напряженности и т. д. В первую очередь эти негативные тенденции затронули старопромышленные регионы, на территории которых в эпоху массовой индустриализации были размещены крупные объекты промышленности и территориально-производственные комплексы. В условиях непрерывных технологических инноваций и кардинального повышения интеллектуальной емкости производственных процессов традиционные (особенно трудо- и энергоемкие) производства становятся неконкурентоспособными. Регионы, в которых сконцентрированы устаревающие, невысокого технологического уровня промышленные объекты, являются наиболее уязвимыми перед глобальными угрозами и кризисными процессами [2].

При этом особой проблемой является наличие сковывающих ограничений изменения сложившейся ситуации, обусловленных тем фактом, что формирование территориальной структуры размещения производств в советский период носило не эволюционный, а директивный характер, в результате чего возможности адаптации региональных промышленных комплексов к меняющимся условиям крайне низки, так как изначально они были функционально ориентированы не на потребности и спрос со стороны рынка, а на задачи планового хозяйства. Размещение производств, определенное решениями органов советской власти, постепенно и глубоко институционализировалось — происходила адаптация к промышленной специализации всей системы территории: от количества и профиля образовательных учреждений до пространственной структуры расселения и социокультурной среды. Поэтому преодоление сложившейся специализации старопромышленных регионов, как и территорий, специализирующихся на сельском хозяйстве, требует новых концепций, подходов, методов и инструментов регионального стратегического планирования, направленных на гармонизацию межсекторальных структурных диспропорций в средне- и долгосрочной перспективе.

Становление новой парадигмы региональной экономической политики вызвано комплексом причин. Во-первых, в условиях посткризисной рецессии происходит явное ужесточение конкуренции регионов за резидентов, инвестиции, туристические потоки и рынки сбыта в глобальном масштабе. Во-вторых, глокализация стала объективной реальностью, демонстрируя неэффективность пространственно-нейтральных стратегий, игнорирующих или недооценивающих роль эндогенных ресурсов, особенно нематериаль-

ных активов регионов [3]. В-третьих, с одной стороны, широко применявшиеся традиционные подходы (в частности, функционально-отраслевой и кластерный) подвергаются все большей критике; с другой стороны, выдвинут целый ряд альтернативных концепций, нуждающихся в операционализации и практической реализации [4].

Функционально-отраслевой подход к формированию региональной стратегии связан с выделением в ее структуре комплекса субстратегий — функциональных (в том числе градостроительного, экологического, информационного, инновационного, инвестиционного развития, обеспечения безопасности, маркетинга и др.) и отраслевых (включая стратегии развития образования, культуры, здравоохранения, промышленности, потребительского рынка, жилищно-коммунального хозяйства и др.). Руководствуясь данным подходом, в последние десятилетия субъекты стратегического планирования на местном и региональном уровнях по всему миру по существу разрабатывали и осуществляли изоморфную политику, формулируя аналогичные, если не идентичные стратегии. Обычно стратегии развития регионов выступали инструментами модернизации инфраструктуры (дорожного хозяйства, водоснабжения, застройки и т. д.) и исполнения социальных обязательств перед населением. Результаты реализации таких стратегий были понятны и осязаемы, могли быть достигнуты в достаточно обозримые сроки и повлиять на результаты политических выборов. За исключением немногочисленных и сравнительно незначительных исключений традиционные стратегии развития слабо учитывают специфику экономического пространства территорий и их эндогенные ресурсы, демонстрируя при этом высокую зависимость от государственной поддержки. Функционально-отраслевой подход многосторонне критикуется прежде всего за его «пространственную слепоту» [5].

В свою очередь, кластерный подход, базирующийся на идее поддержки региональными властями самозарождающихся тенденций локальной межфирменной кооперации, испытывает массовую критику со стороны как теоретиков, так и практиков [6]. С точки зрения практиков, налицо огромный разрыв между высокими ожиданиями от кластерной политики и ее реальными скудными результатами во многих странах. С позиций теоретиков причинами этого являются размытость и метафоричность понятия «кластер», позволяющие вкладывать в него принципиально различное содержание, произвольно сужая или расширяя его понимание. В результате нечеткость определений кластера как объекта регулирования отрицательно сказывается на эффективности применяемых кластерных политик. Кроме того, кластерный подход преимущественно статичен, он игнорирует эволюцию кластеров в экономическом пространстве [7], в том числе проблемы, связанные с межкластерной конкуренцией за ограниченные региональные ресурсы.

Территориально-ориентированное (place-based) мышление становится общепринятым трендом в стратегическом управлении территориальным развитием [5], переносащим акцент на местные ресурсы, институты и стейкхолдеров [8; 9]. Это требует изменения традиционных принципов разработки стратегий развития регионов и городов, поскольку чаще всего они основываются на бенчмаркинге и имитации успешных стратегий, примененных в других городах или регионах.

Территориально-ориентированный, или территориально-центричный, подход содержательно может быть оха-

рактирован двумя принципиальными позициями. Во-первых, данный подход предполагает учет пространственного контекста, понимаемого с точки зрения его социальных, культурных, и институциональных характеристик [10]. В этой связи пространственно-нейтральный отраслевой подход рассматривается как неадекватный целям территориального развития; более того, реализация отраслевых стратегий порождает многочисленные пространственные эффекты, которые тем не менее не принимаются во внимание. Во-вторых, территориально-ориентированный подход фокусируется на ограниченности знаний о стратегическом планировании. Поскольку ни один субъект стратегирования не обладает всей полнотой таких знаний, формирование стратегий территориального развития должно базироваться на привлечении всех стейкхолдеров (местных элит и групп с особыми интересами) и налаживании их взаимодействия. Безусловно, такой подход предполагает наличие эффективных и адаптивных местных институтов, таких как агентства регионального развития, которые становятся все более распространенными во всем мире. Кроме того, новая парадигма предполагает активное участие широкого спектра стейкхолдеров и научно обоснованного механизма идентификации активов территории, которые могут стать основой ее успешного позиционирования и стабильного экономического роста.

Концепция устойчивого развития, являющаяся доминирующей парадигмой стратегического управления территориями, продолжает внутренне дифференцироваться [11]. Наряду с традиционным пониманием устойчивости (sustainability) как способности территории к комплексному достижению экономических, экологических и социальных целей получила развитие трактовка устойчивости (robustness) как прочности, или способности территории к поддержанию системных процессов в условиях внешних и внутренних непредсказуемых воздействий. В последние годы наиболее активно развивалась новая интерпретация устойчивости (resilience) как упругости или эластичности, то есть комплексной способности региональной экономики к противодействию шокным воздействиям (сопротивляемость), возвращению в нормальное состояние после экзогенного шока (восстанавливаемость), переориентации или трансформации экономической структуры в соответствии с изменившимися условиями (адаптивность), переходу к реализации дошоковой (докризисной) модели развития (возобновляемость).

Главной причиной, обуславливающей необходимость разработки региональных и городских стратегий, является объективная неравномерность распределения экономической деятельности (ее субъектов, объектов, ресурсов, результатов и эффектов) в пространстве. Понимание объективного характера межрегионального неравенства должно приводить не к иллюзорным попыткам его устранения, а к осознанию уникальности любой территории и целесообразности разработки территориально-специфичных стратегий социально-экономического развития (place-specific strategies). Свободное перемещение мобильных ресурсов между территориями, основанное на рыночном механизме, осложняется наличием транзакционных издержек и разного рода барьеров, очевидно требуя участия органов власти в стратегическом формате. Конечно, регулятивное вмешательство государства не должно сводиться к попыткам реинкарнации концепции директивного размещения производительных сил. Однако без государственных интервенций

отстающая или отсталая территория может перейти в режим ускоренной деградации с мощными негативными социальными эффектами и недоиспользованием имеющегося потенциала. Вместе с тем меры макроэкономической политики, нейтральные к пространственной специфике, в большей степени оказывают положительное влияние на развитые города и регионы, в которых уже сконцентрированы значительные ресурсы, инфраструктура, человеческий капитал и конкурентные преимущества. Важно преодолеть неоклассическую интерпретацию территорий (городов, регионов) как суммативных множеств работников и фирм, обладающих высокой мобильностью и свободно перемещающихся в те пространства, где созданы благоприятные условия и имеется высокий потенциал роста. Территориальные экономики — это эмерджентные синергические комплексы сложных, часто запутанных связей и отношений хозяйствующих субъектов, действующих в неоднородной институциональной среде. Поэтому учет пространственной специфики является основой формирования эффективных стратегий, связанных с использованием эндогенного потенциала территорий для обеспечения умного, стабильного и инклюзивного роста.

В этих условиях объективно формируются предпосылки перехода к новому поколению региональных экономических стратегий, регулирующих переход к секторно-сбалансированному развитию. Такие стратегии призваны обеспечить эффективные взаимодействия хозяйствующих субъектов различных секторов (сервисного, индустриального и аграрного), координацию институтов разных уровней государственного управления, взаимосоответствие секторальных и отраслевых политик и стратегий, комплексность решения периферийных проблем (в области инфраструктуры, образования, занятости и др.). Секторно-сбалансированное развитие экономики региона — это динамичный процесс адаптации региональной хозяйственной системы к изменениям в ее секторальной структуре (соотношение аграрного, индустриального и сервисного секторов) с минимумом издержек и негативных эффектов. Адаптация включает процессы приспособления субъектов сфер производства, обращения, потребления и регулирования, включая соответствующие модели экономических отношений, правила и нормы, политики и стратегии и т. д.

Секторно-сбалансированное развитие представляет собой специфическую отраслевую форму реализации концепции устойчивого развития, выражающуюся в обеспечении стабильного экономического, социального и экологического развития территории на основе компромисса интересов субъектов сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг. Концепция секторно-сбалансированного развития базируется на идее о системной взаимосвязанности аграрного, индустриального и сервисного секторов экономики региона с учетом эволюционного изменения их места и роли в региональном воспроизводстве [12].

Экономическая эволюция в секторальном аспекте является процессом неравномерных (сочетающих периоды стабильности и резких изменений) структурных сдвигов, общая логика которых связана с переходом доминирующей роли от сельского хозяйства к промышленности и затем к сфере услуг. Объективность и закономерность определяемых этой логикой секторальных трансформаций и соответствующих им отраслевых, демографических, технологических, институциональных и информационных изменений обуславливают необходимость формирования концепции

регионального секторно-сбалансированного развития. Данная концепция базируется на трехсекторной модели структуры общественного производства К. Кларка, теории постиндустриализации Д. Белла, а также учитывает значительный массив теорий и концепций экономики знаний.

Наряду с согласованием параметров (ориентиров, приоритетов, темпов, масштабов, векторов и т.д.) развития аграрного, индустриального и сервисного секторов субъектам регионального стратегического планирования целесообразно уделить особое внимание координации эволюционных процессов в трансформационном и транзакционном секторах регионального хозяйства. Воспроизводственная функция транзакционного сектора — институциональное, организационное, информационное и финансовое обеспечение процесса воспроизводства, тогда как функция трансформационного сектора — кадровое, технологическое и материальное обеспечение данного процесса. Соответственно транзакционные виды деятельности — эволюционно обособленные в ходе общественного разделения труда формы и способы обеспечения хозяйствующих субъектов невещественными (транзакционными) ресурсами осуществления трансформаций и транзакций. Транзакционный сектор региональной экономики — множество (массив) локализованных в экономическом пространстве региона транзакционных видов деятельности и их субъектов (индивидуальных агентов и организаций), связанных с транзакционно-ресурсным обеспечением процессов и сфер производства, обращения, потребления и регулирования.

В аспекте субъектно-объектной структуры транзакционный сектор можно охарактеризовать следующим образом: его объектами являются рыночные и внутрифирменные транзакции, а субъектами — индивиды и организации, осуществляющие транзакционные виды деятельности. Традиционно выделяются шесть типов транзакционной деятельности, объединяемых в три категории: предкон-

тракционная деятельность (поиск, проверка), деятельность по заключению контракта (переговоры), постконтрактная деятельность (исполнение, контроль, обеспечение исполнения). Однако данная классификация представляется ограниченной, поскольку связана исключительно с формальной интерпретацией транзакционного сектора как инструмента измерения транзакционных издержек, а не специфического объекта экономического анализа, то есть реального феномена хозяйства. Транзакционный сектор (как понятие, так и соответствующая концепция) возник именно как аналитический инструмент эмпирического тестирования издержек транзакций, впоследствии же произошла его онтологизация, то есть перенос в практическую область, относительно сжатых сроками которой обусловлены проблемы его стратегического регулирования.

Формирование политики секторно-сбалансированного развития экономики региона в условиях постиндустриализации требует формирования адекватной теоретико-методологической базы. Представляется возможным использовать в качестве методологической и теоретической основы для разработки нового поколения региональных стратегий системно-институциональный метаподход, объединяющий два субподхода: с одной стороны, системный подход [13; 14], акцентирующий внимание на функционально-структурной сложности и многоукладности региональных экономических систем, их взаимозависимости, неравномерности и неопределенности эволюции; с другой стороны, институциональный подход [10; 15], который актуализирует значение транзакций и отношений хозяйствующих субъектов и групп интересов (стейкхолдеров), регулирующих их норм и правил, институтов и механизмов, взаимодополняемость (комплементарность) и эффективность которых выражается в уровне транзакционных издержек региональных хозяйственных процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Barca F., McCann Ph., Rodríguez-Pose P. The Case for Regional Development Intervention: Place-based versus Place-neutral Approaches // *Journal of Regional Science*. 2012. Vol. 52. № 1. P. 134—152.
2. Ахунов Р. Р. Конкурентоспособность региона как результат реализации его воспроизводственного потенциала // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2014. № 4 (29). С. 140—144
3. Combes P.-P., Mayer T., Thisse J.-F. *Economic Geography: The Integration of Regions and Nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008. 424 p.
4. Авезов А. Х. Методологические аспекты устойчивости региональной экономики // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2014. № 3 (28). С. 23—26.
5. Boschma R., Frenken K. The Emerging Empirics of Evolutionary Economic Geography // *Journal of Economic Geography*. 2011. Vol. 11. № 2. P. 295—307.
6. Storper M. Why Do Regions Develop and Change? The Challenge for Geography and Economics // *Journal of Economic Geography*. 2011. Vol. 11. P. 333—346.
7. Rodríguez-Pose A. Do Institutions Matter for Regional Development? // *Regional Studies*. 2013. Vol. 47. № 7. P. 1034—1047.
8. Deichmann U., Gill I., Goh Ch.-Ch. Texture and tractability: the framework for spatial policy analysis in the World Development Report 2009 // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2011. Vol. 4. P. 163—174.
9. Tomaney J. Region and place I: Institutions // *Progress in Human Geography*. 2014. Vol. 38. № 1. P. 131—140.
10. Ostrom E. A General Framework for Analyzing Sustainability of Social-Ecological Systems // *Science*. 2009. Vol. 325. P. 419—422.
11. Garretsen H., McCann Ph., Martin R., Tyler P. The future of regional policy // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2013. Vol. 6. P. 179—186.
12. Васильева Л. П. Методологические аспекты управления сбалансированным развитием региональной социально-экономической системы // *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2014. № 4 (29). С. 140—144.
13. Foster J. From simplistic to complex systems in economics // *Cambridge Journal of Economics*. 2005. Vol. 29. P. 873—892.
14. Loasby B. J. Building systems // *Journal of Evolutionary Economics*. 2012. Vol. 22. P. 833—846.